

МАЭСТРО | Сервер Абкеримов не чурается колесить по российским глубинкам

Завораживающее соло

РИТА ДАВЛЕТШИНА
 ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

«Его игра проста, естественна и тем самым гениальна, своей игрой он разговаривает с залом – это и есть самый большой профессионализм музыканта», – будто прочитав рецензии, которыми пестрит Интернет, говорили магнитогорцы после концерта Сервера Абкеримова, который состоялся в большом зале Магнитогорской государственной консерватории.

Глядя на этого скромного человека с застенчивой улыбкой, трудно понять, что перед вами лауреат всевозможных конкурсов, один из самых именитых аккордеонистов планеты. Объездив весь мир и как солист, и в составе ансамблей и оркестров, он не чурается колесить по российским глубинкам – пропагандировать инструмент, фанатом которого является сам. В зале консерватории ему внимали не только представители народного отделения – именно к нему традиционно относится аккордеон, но и пианисты, теоретики музыки, скрипачи, духовики... Все как один говорят: пришли послушать мастера.

Слушая аккордеон в руках Сервера Абкеримова, не перестаешь поражаться многогранностью возможностей этого инструмента: мощное органное звучание вдруг переходит в клавишную, фортепианную музыку – прозвучал даже легендарный и самый сложный для инструменталистов «Вокализ» Рахманинова. Это исполнение Абкеримов предврал скромным: «Не судите строго – может, не получится, аккордеонисты знают, насколько это сложное произведение». Получилось! Овации, восхищенные отзывы, автографы, фотографии с мастером. И лишь после – интервью.

– Сервер, вы известны и как исполнитель, и как преподаватель – своим мастерством делитесь и в колледже имени Гнесиных, и в Московском областном колледже искусств... Так что для вас главное?

– Основной профессией в моей трудовой книжке числится сольное творчество в Московском колледже. Но преподавательская деятельность является огромной частью моей жизни, и мне очень приятно, что многие студенты, поступая в музыкальные колледжи, хотят учиться именно у меня: если тем самым привлекаю к игре на аккордеоне, значит, я все делаю правильно. Среди моих учеников есть и лауреаты конкурсов, состоявшиеся музыканты...

– Сегодня вы справились с пропагандой замечательно – публика была очень довольна вашим концертом...

– (Смеется). Анекдот: «Как прошел концерт – публика была довольна?» – «Да, вы знаете, она постоянно кричала: «Довольно!»

– Насколько я знаю, в России аккордеон воспринимается по большей части как народный инструмент – во всяком случае, музыкальные вузы относят его к отделению народных инструментов. За границей, в частности во Франции, он больше известен как инструмент академический, классический...

– Дело не в странах: везде есть люди, для которых аккордеон – народный инструмент, для других – классический, для третьих – популярный... Я считаю, что истина посередине: этот инструмент настолько прекрасен, многогранен, что имеет право исполнять любую музыку – без перекосов в ту или иную сторону.

– Известная фраза великого актера Миллера: «Кто умеет – делает, кто знает – учит, остальные осуществляют руководство». Вы тот самый редкий феномен, сочетающий в себе первую и вторую ипостась?

– Предпочитаю изречение более древнего мудреца: «Я знаю только, что ничего не знаю». Не буквально: что-то мне безусловно дано, но своими знаниями я щедро делюсь со своими учениками – секретов у меня нет.

– Кстати, о секретах: музыкой вы начали заниматься в 12 лет – это, кажется, очень

поздно. Если предположить, что начали бы раньше – добились бы большего? Или просто вам трудиться пришлось больше для того, чтобы пройти тот же путь?

– Трудно ответить. А если бы Ломоносов пошел в Москву с обозом не в 20 лет, а раньше – что бы было? Наверное, звезды так сложились.

– 12 лет – период, скажем так, начала вхождения мальчика в пубертатный период. Смею полагать, родители, боясь он его, решили занять свободное время своего сына музыкой?

– (Смеется). Не поверите, но именно так оно и было: лишь бы по улицам не шатался. А почему именно аккордеон – тоже история. Мой отец всегда мечтал научиться игре на каком-нибудь музыкальном инструменте. Очень любил аккордеон – и даже, не зная нот, что-то подбирал на нем. Зная его страсть, коллеги подарили отцу маленький аккордеон. И он решил воплотить свою мечту через старшего сына – то есть меня. Разумеется, в то время я мало что понимал, сопротивлялся, не понимал, за что мне это... А теперь безумно благодарен родителям, что они подарили мне мою профессию, мою жизнь... К сожалению, папы не стало два месяца назад... Боль от этой потери, конечно, еще острая.

– Период от непонимания до любви – это какой отрезок времени?

– Есть анекдот: друзья спрашивают одного товарища: «Ты жену постоянно берешь с собой на рыбалку – что, рыбачит?» Тот отвечает: «Сначала рыбачила, а теперь вроде втянулась». Так и со мной. Я занимался музыкой, потому что был послушным сыном, который не хотел огорчать родителей, – и втянулся. Учителя говорили, что у меня получается. Потом преподаватель сказал, что у меня есть возможность поступить в Москву. Представьте себе, что такое Москва для мальчика, родившегося и жившего в

славном узбекском городе Чирчик Ташкентской области, – практически космос. Перспектива поехать в столицу тогдашней нашей родины была очень заманчивой.

– Знаю, что в академии имени Гнесиных вашим преподавателем стал народный артист России Юрий Петрович Дранга. Нынешний красавец – аккордеонист Петр – это...

– Это его сын, и мне очень приятно, что когда-то именно я первым поставил этому мальчику аккордеон на колени – после отца, разумеется. На третьем курсе у музыкантов есть предмет – педагогическая практика. Мне позвонил Юрий Петрович, сказал, чтобы я приехал к нему домой. Навстречу мне вышел шестилетний мальчик Петр, его сын, и Юрий Петрович сказал: ты будешь проходить педагогическую практику с ним. В течение года я научил его играть двумя руками. Всем остальным, чего он добился теперь, Петр обязан себе самому – своему таланту и бесконечному трудолюбию. Его творчество вызывает много споров: кто-то принимает то, что он делает, кто-то не принимает категорически...

Но то, что благодаря ему многие дети пошли учиться играть на аккордеоне, бесспорно.

– Композитор Юрий Пешков, сказал, что вас, к сожалению, лучше знают за границей, чем в собственной стране. Почему – могу предположить: меломанов в России-матушке по пальцам перечесть. А вот чего за границей ждут от вас: народных наигрышей с матрешками и медведями или общеевропейскую аккордеонную музыку?

– Знаете, за границей я играл и в маленьких церквях органную музыку, и в огромных концертных залах... Не помню, чтобы от меня требовали матрешек. Там все так же, как у нас: определенный слой приходит послушать аккордеон как народный инструмент, другие – как академический, эстрадный... Одним словом, приходят послушать исполнителя, а

не репертуар. И в связи с этим я сам выстраиваю свою программу так, чтобы охватить весь спектр звучания аккордеона – это и интереснее, и приемлется мне как пропагандисту своего инструмента.

– Не могу сказать, что знаю о музыке все, так что приведу пример из спорта: тренеру совершенно не обязательно самому быть чемпионом – главное, воспитать его. А в музыке принято играть лучше, чем ученики? Я имею в виду не исключения, а именно традицию.

– Могу говорить только о себе и с гордостью скажу: мой студент Михаил Шостакович, очень достойный музыкант, состоявшийся профессионал, зарекомендовавший себя, – так вот, мне кажется, он играет лучше меня. И у меня нет ни ревности, ни зависти – напротив, я горд тем, что это – плоды моих трудов, я горжусь тем, что преподавал у него в колледже Гнесиных, а теперь он поступил в академию Гнесиных к моему любимому Юрию Дранге.

– Вы солист не только Московского филармонического объединения. Вы преподаватель. Что это: неисконная любовь к профессии и желание объять необъятное или, простите, объективные факты зарабатывания денег на фоне низких зарплат в российской культуре?

– (Усмехается). Скорее второе – во всяком случае, началось все с этого. Для музыкантов непростые времена 90-х были совсем невыносимыми, ведь культура была вообще никому не нужна, и мы работали где угодно, лишь бы заработать. Они и сейчас нелегкие – мы ездим с концертами совсем не за те гонорары, которые получают даже фонограммные звезды шоу-бизнеса. О преподавании вообще умолчу: ставка преподавателя в Гнесинке четыре с половиной тысячи рублей – это разве можно назвать деньгами? Но мне везло: всегда находились люди, которые помогали устроиться на работу, найти подработку... Как говорят музыканты, с мира по Шнитке...

– В связи с этим... Моему коллеге, сыну знаменитой магнитогорской поэтессы Нины Кондратовской, однажды довелось услышать от матери в ответ на поэтические попытки: «Если можешь не писать – не пиши. Не будет ни денег, ни работы, ни нормальной семьи». Вы, пройдя трудности лихих 90-х, говорите своим ученикам нечто подобное?

– Разумеется, я снимаю с них розовые очки и говорю, что их путь будет полон самых неожиданных зигзагов. Так что они должны быть готовы к тому, что играть придется не только Баха и Скарлатти.

– Однако сейчас многие музыканты говорят о возрождении музыкальной культуры – во всяком случае, дети снова валом повалили в музыкальные школы...

– Да, это так. Еще бы «сверху» поддержка была соответствующей.

– Говорят, хороший аккордеон стоит 20 тысяч евро. А ваш?

– (Смуцается). Примерно столько и стоит. Но это ручная работа скрипичного мастера, который вырезал все из дерева...

– Ваша жена – героическая женщина: узнав, что собираетесь купить инструмент по цене весьма хорошей иномарки, она не выгнала вас из дома!

– (Смеется). Она, слава богу, меня понимает. К тому же, сама в прошлом музыкант – а бывших музыкантов не бывает. Да и, по сути, она в чем-то восточная жена: родом из казахского Чимкента. Хотя встретились мы в Москве.

– У вас очаровательные трехлетние сыновья-двойняшки: в музыку отладите?

– Я сторонник того, чтобы они овладели игрой на каком-либо инструменте. Но делать упор, чтобы это стало профессией, не буду. Если сами проявят интерес, с радостью помогу.

– Учить сами будете или отдадите в другие руки?

– Пока думаю отдать их на другой инструмент, а на аккордеоне буду учить сам. Так спокойнее ☺

▶ Ставка преподавателя в колледже имени Гнесиных четыре с половиной тысячи рублей